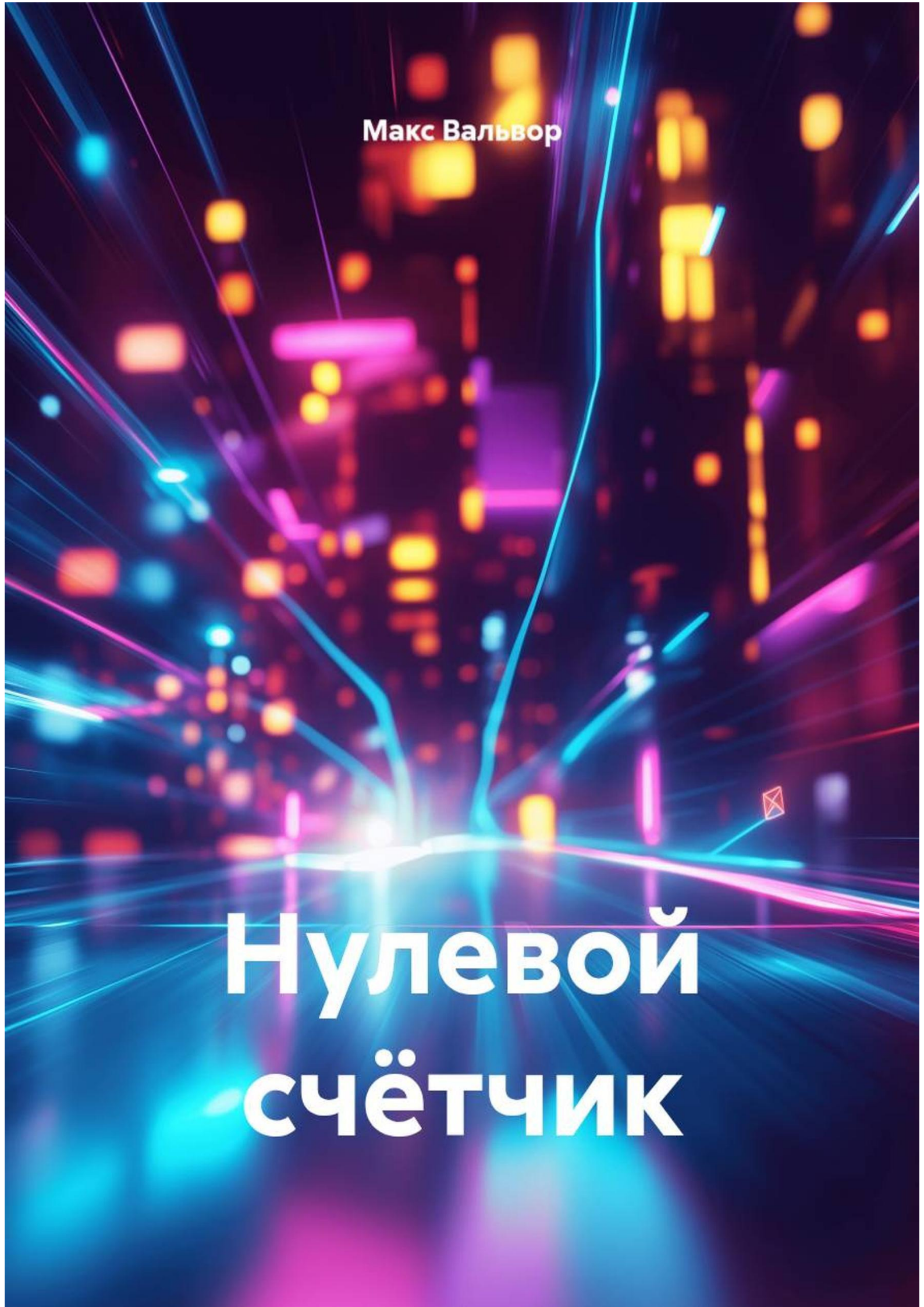

Макс Вальвор

Нулевой счётчик

Макс Вальвор

Нулевой счётчик

«Автор»

2026

Вальвор М.

Нулевой счётчик / М. Вальвор — «Автор», 2026

Каждую секунду вашей жизни кто-то считает. Корпорация «Эон» знает, сколько вам осталось. И она решает, когда настанет ваш ноль. Адам видит эти цифры. Над каждой головой — таймер, который тикает. Он — единственный, кто может прочесть правду до того, как система спишет чью-то жизнь в ноль. Но его дар — это проклятие, потому что его собственного счётчика не существует. У детектива Варна есть личный счёт к «Эону»: женщина, которую он любил, стала одной из их жертв. Теперь он готов на всё, чтобы сломать систему — даже если для этого придётся использовать живое оружие, которое само не знает, кто оно. Теперь за ними охотится весь город. У них нет союзников. Нет денег. Нет будущего. Есть только Адам и его проклятый дар. И одна правда, которую система попытается стереть вместе с ними. Вопрос не в том, успеют ли они. Вопрос в том, сколько лет они готовы заплатить, чтобы мир узнал, что его время украдено.

© Вальвор М., 2026

© Автор, 2026

Макс Вальвор

Нулевой счётчик

КНИГА ПЕРВАЯ: ОТСЧЕТ ЧАСТЬ 1: СЛУЧАЙНОЕ ЧИСЛО

ГЛАВА 1: НУЛЕВОЙ БАЛАНС

Прах все еще оседал.

Медленно, как снег в безвоздушном пространстве, он кружил в стерильной струе кондиционера, прежде чем прилипнуть к полированному носку ботинка Кайла Варна. Он не отшатнулся. Не моргнул. Вместо этого он почувствовал знакомый металлический привкус на языке — привкус озона, статики и старой лжи. «Еще один», — промелькнуло у него в голове, холодной и отточенной мыслью. Все по тому же шаблону.

Офис был типовым гробом среднего класса: стеклянные перегородки цвета увядшей мяты, псевдодубовые столешницы, на которых мертвым грузом лежали голограммы недоделанных отчетов. На одной из них застыла улыбка женщины, скачанная из корпоративного архива для презентации, которую Марк Тэлли теперь никогда не закончит. Воздух пах электростатикой от экранов и подгоревшим кофе из автомата в коридоре — тем самым, что только что стоил Тэлли его последних пяти минут. Варн знал этот запах. Запах конца смены, конца дня, конца всего. Не жизнь, а пародия на нее. Самая страшная пародия, потому что играли в нее абсолютно серьезно.

— Распыление по факту нулевого баланса, — пробормотал санитар из «Службы чистого перехода». Мужик в комбинезоне цвета больничной стены щелкал планшетом, не глядя на серый силуэт на ковре. Процедура. — Хронометрия в норме. Триггер — покупка. Несчастный случай.

Варн молча кивнул, но его руки уже действовали на автомате, вопреки приказу мозга. Правая полезла во внутренний карман плаща, нащупывая пачку дешевых, едких сигарет. «Дыхание Хаоса». Шрифт на упаковке был кривым, как предсмертная судорога.

«Не сейчас», — приказал он себе, сжав челюсть до хруста. Рука послушно опустилась. Он не курил уже три недели, два дня и... сколько там часов? Шестнадцать? Семнадцать? Неважно. Каждая минута этой тихой, никем не замеченной войны казалась ему личным бунтом против системы, которая продавала тебе даже воздух. Воздух, который сейчас пах озоном и пеплом. И бунт этот проигрывался каждый день, каждый час, каждую проклятую минуту, когда пальцы сами искали спасительную шершавость бумажного цилиндра.

«Несчастный случай». Самые частые слова в мире, где смерть была бухгалтерской проводкой. Дебет — жизнь. Кредит — ноль. Баланс сходится. Архив, следующий.

Варн присел на корточки, игнорируя протестующий хруст в колене — память о старой погоне по пожарным лестницам. Силуэт на ковре был идеально четким, как детский рисунок мелом на асфальте. Контуры человека, который пять минут назад пил тот самый кофе, смотрел на ту самую голограмму. Только вместо мела — человеческая пыль. Серая, мелкодисперсная, безличная. Варн включил свой нелегальный сканер — корявую самоделку в пластиковом корпусе, пахнущую припоем, потом и паранойей. Устройство жужжало, нагреваясь в его ладони. Экран, крошечный и потрескавшийся, замигал тусклым синим светом, выцарапывая послед-

ние миллисекунды жизни чипа Тэлли. Цифры лились потоком: транзакции, списания, служебные пинги системы «Хронос».

«И почему у офисного служащего оставалось только пять минут?»

— Эй, детектив, это не по протоколу, — заскулил санитар, но в его голосе не было убежденности. Он даже не оторвался от планшета. Все знали Варна. Знающего, вьедливого, безнадежно испорченного. Говорили, у него своя война. Что он ищет в «несчастных случаях» то, чего там быть не должно. Что он сам — такая же аномалия, как его сканер.

— Протокол написан для тех, кто верит в несчастные случаи, — отрезал Варн, не отрывая глаз от строк кода. Его голос был низким, без эмоций, как голос самого сканера.

И там, среди сухих цифр ежесекундного списания, он нашел это. Свой личный наркотик, сильнее никотина. Ту самую зазубренную засечку в гладкой поверхности реальности. Аномалию.

Лог фиксировал момент нуля. Окончательный, тотальный.

00:00:00.000

А за триста двадцать семь миллисекунд до этого — крошечный, почти невесомый входящий пакет данных. Не транзакция, не списание. Сигнал. Призрак в машине. Чужой шепот в ушах счетчика, который услышал и умер.

Сердце Варна, обычно ленивое и тяжелое, ударило один раз — глухо, как молоток по наковальне. Он выключил сканер. В груди, под ребрами, там, где, казалось, давно уже ничего не горело, зажегся холодный, ясный, неумолимый огонь. Не гнев, не жалость — а чистая, отточенная ярость охотника, нашедшего след. Так, и только так, он чувствовал себя живым.

Он поднялся, и плащ — тяжелый, протертый на локтях — повис на его широких плечах, как доспехи. Варн был невысок, но плотно сбит, как боксер — тяжеловес на сбросе веса, тело, забывшее о легкости. Лицо его, когда-то, может, и открытое, теперь было изрезано глубокими складками у рта и между бровей — карта многолетнего недоверия, выжженная сигаретным дымом и экранным светом. Глаза цвета мокрого асфальта смотрели на мир так, будто видели не предметы, а связи между ними, невидимые нити, на которых всё держалось и обрывалось. Несмываемые тени под ними выдавали ночи, проведенные над «стеной связей» в его криминальной квартире — берлоге. А легкая, почти незаметная дрожь в длинных пальцах правой руки — бесконечную, проигранную войну с пачкой «Дыхания Хаоса», которую он продолжал носить с собой, как талисман собственной слабости. Напоминание о том, что он еще не совсем машина.

— Забирайте ваше «несчастливое совпадение», — бросил он санитару через плечо, уже направляясь к выходу. Его голос звучал устало, но в нем вибрировала стальная струна только что найденной цели.

Коридор офиса был пуст. Только тихое гудение спящих терминалов. Лифт, зеркальные стены которого умножали его отражение — человека в поношенном плаще с лицом, на котором время оставило следы когтями, — довез его до нижнего уровня в гнетущей тишине. Здесь пахло чужими духами, страхом и надеждой, которую здесь же и покупали в кредит.

Двери разъехались, и на Варна обрушился шум Нижнего города: оглушительный гул голосов, визг тормозов аэротакси, навязчивый, вьедливый джингл рекламы хронокредитов, доносящийся с гигантских голограммных билбордов: «Живи сейчас, плати — никогда!». Звездочка в углу мелким, но обязательным шрифтом: **«Платить все равно придется»**.

Он вышел на улицу, и смог, густой, как похлебка из химических отходов и отчаяния, обволок его, щекоча горло, засекая в ноздрях. Рука снова, сама собой, полезла в карман. На этот раз он не сопротивлялся. Пальцы нащупали сигарету, нашли в другом кармане зажигалку — дешевую, одноразовую, которую нельзя отследить. Он прикрыл ладонью от несуществующего ветра крошечное, жадное пламя, поднес огонь к кончику, сделал первую, глубокую, предательски сладкую затяжку.

Дым, едкий, грубый, несущий в себе горечь дешевой бумаги и отравленного табака, заполнил легкие. Мир на мгновение отступил, стал чуть менее острым, чуть более терпимым. Грани сгладились. Мысли, вечно метавшиеся, как крысы в лабиринте, на секунду утихли.

«Слабость», — прошипел в голове внутренний голос, голос той части его, что еще помнила о дисциплине.

«Оружие», — поправил он себя мысленно, глядя на тлеющий кончик, на крошечный уголек, в котором сгорали секунды его жизни, купленные у системы. — «Единственное, что пока еще всецело мое».

Он двинулся сквозь толпу, к знакомому спуску в метро. Туда, где жизнь кипела в своем вечном, слепом потоке, не ведая о своих же остатках, размазанных по офисным коврам. Туда, в шумящую, дышащую массу города, где его расследование, сам того не ведая, было готово перейти из мира цифр и логов в мир живых глаз и немых ужасов.

Отсчет начался. Не с громкого выстрела, а с первой, глухой затяжки и с последнего, беззвучного вздоха, осевшего серой пылью на полированном паркете.

ГЛАВА 2: ПЯТЬ СЕКУНД В МЕТРО

Метро на перегоне «Центр—Плаза» не было местом. Оно было состоянием. Сжатой, дышащей массой страха, пота и усталой резины. Воздух гудел низкой частотой двигателей и нервным гудением сотен хронометров, невидимых, но ощутимых, как давление перед грозой.

Адам стоял, прижавшись лопатками к холодной кафельной плитке, и читал.

Над головой молодой женщины в дешевом деловом костюме плясали цифры: 2 дня 14:08:33. Они мигнули и сменились на 2 дня 14:08:32. Плавно, неумолимо. Она лихорадочно листала что—то на коме, губы ее шептали молитву или сводку биржевых курсов. Еще одна песчинка в потоке.

Адам отвел взгляд. Нельзя привязываться к одному числу. Надо видеть картину целиком. Так он выживал.

Табло расписания, гигантская светящаяся плита над платформой, была шедевром абсурда. Рядами плыли названия станций и время отправления, но для Адама это было окно в другой мир. Над каждой строчкой, в его личном, никому не видимом измерении, висели другие числа. Цвета зависели от плотности толпы. Поезд на «Сквер Искусств» через 2 минуты: алое марево из часов и минут — люди торопились на спектакли, у кого—то билеты сгорали. Поезд на промзону «Вальгалла» через 7 минут: тусклое, синеватое свечение недель и даже одного года — те, кто ехал на смену, берегли каждое движение, их время текло лениво и скучно. А вот «Конечная. Безвременье»: над этой строкой клубился туман из минут, редких часов и пугающе частых вспышек, где отсчет шел на секунды. Там ехали те, кому некуда торопиться, потому что у них не было куда ехать. Или было, но дорога стоила последних мгновений.

Он впустил в себя весь этот водоворот. Вот панк с ирокезом, выкрашенным в цвета сигнала тревоги: над ним 3 часа 12:11:06. Он горланил что—то хриплое, тряс бутылкой с самодельным сидром, и цифры дергались в такт его сердечному ритму. Рядом, прислонившись к колонне, старик в протертом пальто что—то выводил на допотопной гитаре с треснувшим корпусом. Над его седой головой светилось ровное, почти умиротворенное 4 месяца 00:01:55. Он играл не для хронов, а для чего—то другого, и время, казалось, щадило его.

Противоположность им — стайка офисных служащих. У них над головами висели почти одинаковые пучки дней и недель, аккуратные, как их галстуки. Но у одного, того, что постарше и нервно покусывал губу, цифры подрагивали, сбиваясь с ритма: стресс съедал минуты быстрее.

И повсюду — пьяные. Их цифры были самыми непредсказуемыми. У одного, спавшего в луже собственной блевотины, над головой медленно переваливалось 2 недели 00:00:00 — тело

выключилось, метаболизм замедлился, смерть притаилась. У другого, агрессивно толкавшегося в толпе, отсчет скакал: 5 часов, 0:04:59, 0:04:30 – адреналин и ярость сжигали жизнь, как дешевое топливо.

Адам все это впитывал, оставаясь недвижимым островком в этом море цифр. Его собственное запястье было закрыто простым кожаным браслетом. Под ним – ничего. Ни свечения, ни цифр, ни даже пустоты, которую можно было бы увидеть. Просто слепое пятно. Дыра в реальности. Он никогда не смотрел на это место в публичных зеркалах.

Вдруг его взгляд, скользя по толпе, наткнулся на аномалию.

Молодая женщина, почти девочка, в потертой джинсовой куртке. Она пробиравлась к краю платформы, глаза широкие, полные чистого, немного ужаса. И над ее головой...

Цифры не просто тикали. Они срывались в пике.

1 месяц 00:00:05... 00:00:04... 00:00:03...

Адам замер. Такого он не видел никогда. Это было не естественное истощение, не стрессовая трата. Это было, как если бы кто—то взял и выдернул пробку из ее жизненного срока.

00:00:02...

Инстинкт сжал его горло железной рукой. Его собственный кодекс – не вмешиваться, не говорить, не менять ход событий – рассыпался в прах перед этим немыслимым, форсированным обратным отсчетом.

00:00:01...

Он рванулся вперед, расталкивая толпу. Люди орали, кто—то выругался. Он не слышал. Он видел только эти цифры, уже сливающиеся в сплошное предсмертное зарево, и девушку, которая сделала шаг к краю платформы, навстречу вою приближающегося поезда.

00:00:00.

В этот миг не было мысли. Было только действие. Его тело, натренированное годами жизни в страхе, сработало само. Он врезался в нее плечом, отшвыривая от смертоносного края. Она вскрикнула – коротко, обреченно. Они оба рухнули на грязный пол, а над ними, с ревом, пронесся стальной состав, задувая им в лица ветром, пахнущим маслом и распыленными когда—то жизнями.

Цифры над ее головой погасли. Воцарилась тишина, на которую уже накатывал гул негодования и вопросов. Адам, оглушенный, пытался встать, увидеть, жив ли она.

А потом раздался пронзительный, истеричный крик:

— Грабитель! Держите! Он хотел меня ограбить!

И сильные руки схватили его сзади за куртку, прижали к холодному полу. Над ним нависло чье—то лицо – усталое, жесткое, с глазами цвета мокрого асфальта, в которых горел не гнев, а холодный, хищный интерес. Человек в плаще, от которого пахло дымом и озоном.

— Не двигаться, – хрипло сказал детектив Кайл Варн. – С тобой нужно поговорить.

ГЛАВА 3: ФОТОГРАФИЯ В КАРМАНЕ

Участок в 17—м районе был памятником усталости. Воздух здесь был другим – не смогом улиц, а застоявшимся миазмом кофе, пота, дешевого чистящего средства и безнадёги, втертой в трещины линолеума. Сюда привозили отбросы системы: мелких воришек времени, паникеров, подозреваемых в хронометрическом мошенничестве. Здесь же допрашивали «грабителей».

Адам сидел на стуле с шатающейся ножкой, ощущая на себе липкий, равнодушный взгляд камеры в углу. Руки его были свободны – наручники были роскошью для таких, как он. Перед ним на столе лежал его кожаный браслет и содержимое карманов: несколько потрепанных хрон—жетонов мелкого достоинства, ключ—болванка от капсульного отеля и фотография. Черно—белый распечатанный снимок улыбающейся женщины.

Дверь открылась, впусив клубы коридорного шума и запах табачного дыма, который ворвался сюда раньше своего хозяина. Варн вошел, тяжело притворив дверь плечом. Он казался еще более массивным в тесной комнате. В уголке его рта дымилась недокурная сигарета.

Он молча сел напротив, откинулся на стуле, и его взгляд, тяжелый и оценивающий, уперся в Адама. Потом медленно перешел на предметы на столе. Задержался на фотографии.

— Ну что, — хрипло начал Варн, вынув сигарету и стряхнув пепел прямо на пол. — Давай начистоту. «Грабитель». У тебя в кармане — жетоны на полчаса хорошего настроения. Ключ от ночлежки, где счетчик списывают поминутно. И фотография Лены Коротковой. Та самая, что «распылилась» неделю назад у входа в свой офис. Случайность? — Он сделал глубокую затяжку, выпустил дым в сторону Адама. — Я в случайности не верю.

Адам почувствовал, как холодеют кончики пальцев. Он готовился ко всему: к грубости, к побоям, к обвинениям. Но не к этому ледяющему, точному знанию. Его щит — полная анонимность — дал трещину.

— Я нашел фотографию, — тихо сказал он. — На полу. Думал, может, родственникам отдать.

— На полу, — без интонации повторил Варн. — Где.

Это был уже не вопрос. Это был приказ к реальности изменить свою конфигурацию.

— У входа в офисный комплекс «Небесная игла», — выдохнул Адам. — На тротуаре. В день, когда это случилось. Неделю назад.

Варн молчал. Его пальцы, длинные и нервные, на секунду задержались на глянцевой поверхности снимка, будто проверяя его подлинность.

— Опиши место. Детально. Что лежало рядом. Были ли люди. Чистый ли был контур, или прах размазан. Не упusti ничего. Даже то, что кажется ерундой.

Адам попытался собраться, повторить версию. Но слова застревали в горле. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым.

— А в метро? — Голос Варна вернулся к прежней, хриплой издевке, но в ней теперь зияла пустота — вся его энергия ушла в тот снимок. — Тоже на пол упал? Прямо на девушку?

— Я спас ей жизнь. Поезд...

— Поезд был в трех минутах от станции по табло, — резко перебил Варн, но его глаза всё ещё были прикованы к фотографии. — У тебя было время окликнуть её, оттянуть за рукав. Но ты выбрал способ, который гарантированно привлечёт внимание и вызовет панику. Почему?

Адам заставил себя встретиться взглядом с этим человеком. Он видел, как цифры над головой Варна ведут себя странно: они не таяли от злости или напряжения, а просто были. Устойчивые. Контролируемые. Это пугало больше крика.

— Я слежу за расписанием, — сказал Адам, и его собственный голос прозвучал чужим, но убедительным. Он годами оттачивал эту правду. — Не по табло. По свету на рельсах. По звуку в туннеле. Поезд на «Сквер Искусств» всегда дает сбой динамиков за сорок секунд до входа на станцию. Я знал, что у меня нет времени на уговоры. Я видел, что она не в себе. Рефлекс.

Варн молча втягивал дым, не отрывая взгляда. Казалось, он взвешивает каждое слово на невидимых весах логики.

В дверь резко постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату всунулась голова молодого офицера с озабоченным лицом.

— Кайл, извини, тут этот тип с рынка, утверждает, что у него сперли сразу три года, требует протокол...

— Напиши протокол, что он идиот, и выгони его, Деннис, — не оборачиваясь, бросил Варн. — Я занят.

— Но инспектор спрашивает...

— Скажи инспектору, что я устанавливаю жизненно важную связь между падением на пол и работой общественного транспорта. Закрой дверь.

Деннис исчез, бормоча что-то себе под нос. Варн снова обратился к Адаму, но напряжение в комнате возросло.

— Рефлекс, — повторил он. — Удобно. Герой-рефлексолог. А почему ты вообще смотрел на нее? В толпе сотни людей.

— Она выделялась, — Адам пожал плечами, разыгрывая безразличие. — Движения... обреченные. Как у тех, кто уже мысленно сверил свой баланс и не понравился результат.

Похоже, эта фраза попала в цель. Варн на мгновение замер, и в его глазах мелькнуло что-то острое, похожее на профессиональный интерес. Он потушил окурок о ножку стула и тут же, не глядя, достал новую сигарету. Щелчок спички по коробку прозвучал в тишине громко, как выстрел.

— «Обреченные», — прошептал он сквозь дым. — Интересное слово. А Лена Короткова на фотографии... она выглядит обреченной?

Адам не знал, что ответить. Он никогда не видел эту женщину живой. Он нашел фотографию возле места ее «несчастливого случая», почувствовав... притяжение. Смутное, необъяснимое, как зуд в отсутствующей конечности.

Дверь снова распахнулась. На этот раз вошла женщина — сержант с папкой.

— Варн, отчеты по вчерашним инцидентам нужно подписать до...

— До того, как я распылюсь от скуки, Лора, я знаю, — оборвал он, не отрываясь от Адама. — Положи на стол. И передай там, чтобы мне не мешали следующие пятнадцать минут. Или я начну подписывать эти отчеты рекомендациями об отставке.

Лора бросила на него неодобрительный взгляд, шлепнула папку на стол и вышла, хлопнув дверью.

Наступила тишина, звенящая, как натянутая струна. Варн медленно поднялся, обошел стол и встал рядом с Адамом, заслонив свет лампы. Его тень накрыла Адама.

— Давай прекратим этот балаган, — тихо, но так, что каждое слово впивалось, как игла, сказал Варн. — Я вижу ложь. Вижу страх. Но не вижу мотива обычного грабителя или маньяка. Ты что-то знаешь. О Лене. О других. О том, как они на самом деле умирают. И у меня есть два варианта. Первый — списать тебя как сумасшедшего, задержанного при попытке нападения, и отправить в психостазис, где ты будешь приносить доход государству, пока твоё тело не рассыплется. Второй...

Он наклонился ближе, и Адам почувствовал запах табака, кофе и холодной, нечеловеческой решимости.

— Ты рассказываешь мне все, что скрываешь. И помогаешь мне найти то, что я ищу. А я, возможно, не отправлю тебя в ту самую мясорубку, в которую, судя по всему, ты боишься попасть больше, чем в мою камеру.

Он выпрямился, сделал последнюю затяжку и бросил окурок в пустую бумажную чашку на столе. Она зашипела.

— Выбирай. Быстро. У меня кончается терпение. И сигареты.

Адам смотрел на дым, поднимающийся из чашки. Он видел цифры над головами людей в коридоре за дверью, слышал далекий гул города, который был для него открытой книгой и вечной ловушкой. И видел пустоту на собственном запястье. Перед ним был человек, который искал систему там, где все видели хаос. Такой же охотник, как и он. Только оружие у них было разное.

Он глубоко вдохнул.

— Что именно вы ищете, детектив?

ГЛАВА 3.5: НЕНУЛЕВАЯ СУММА

Тишина после вопроса Адама висела в комнате гуще сигаретного дыма. Варн не ответил сразу. Он медленно вернулся на своё место, его взгляд стал отстранённым, будто он смотрел не на Адама, а сквозь него.

— Что я ищу? — наконец проговорил он, и голос его стал просто усталым. — Беспорядок. Сбой. Тот самый «баг», из-за которого люди, у которых вроде бы должно быть время, теряют его. Всё сразу.

Он снова потянулся за сигаретой, но пачка была пуста. Скомкав её, он швырнул в угол.

— Шесть человек. Клиенты «Эона». Бонусы, а потом — бац. Распыление при нуле, но с артефактами в логе.

Адам почувствовал, как по спине пробежал холодок. «Артефакты». Он видел, как цифры не таяли, а обрывались.

— Какие артефакты? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Не твоё дело, — резко отрезал Варн. — Тебе нужно знать одно: эти смерти — не случайности. И твоя фотография Лены Коротковой — не совпадение. Ты либо часть этого, либо знаешь что-то. Я склоняюсь ко второму. Поэтому сделку предлагаю я.

— Сделку без открытых карт? — Адам выдавил из себя усмешку. — Вы просите довериться, ничего не предлагая. Я не могу согласиться, не зная...

В этот момент дверь с треском распахнулась. Деннис, бледный и растерянный, выпалил:

— Кайл, срочно! На входе «санитары». Двое. По вызову — забирать задержанного по делу в метро для «психооценки». Мандат с печатью из главного офиса «Эона».

Ледяная тишина.

Шаги в коридоре — тяжёлые, размеренные, неспешные.

Варн взглянул на Адама. Никаких слов. Только мгновенная, холодная переоценка. Его рука резко сгребла со стола вещи Адама и швырнула их ему в руки. Движение было одним — к запасной двери, замаскированной под шкаф.

— За мной.

Ни объяснений. Ни торга. Просто констатация и приказ, выкрикнутый сквозь зубы. И действие — он уже дёргал ручку, и дверь с противным скрипом открывала чёрный провал и запах плесени.

Стук в основную дверь. Твёрдый, официальный.

Адам взглянул на свою пустую руку, потом на спину Варна, исчезающую в темноте. Инстинкт кричал громче страха и логики.

Он рванулся вперёд, в темноту, навстречу единственному шансу, который мерцал в крошечной тьме.

Сделка была заключена молча. Скреплена общим врагом у двери.

ЧАСТЬ 2:

НЕВИДИМЫЕ ЧЕРНИЛА

ГЛАВА 4: ЗАЖИГАЛКА И СПИЧКИ

Тьма в служебном ходе была не просто отсутствием света. Она была плотной, осязаемой, пропитанной запахом вековой пыли, мокрого бетона и чего-то ещё — кисловатого, будто от испорченных батарей. Воздух стоял неподвижный, тяжёлый, вытесняя самую мысль о пространстве.

Адам шёл, вытянув вперёд руки, ладони скользили по шершавой, местами влажной штукатурке. Впереди, в двух шагах, маячила широкая спина Варна — чуть более тёмное пятно в крошечной черноте. Детектив двигался не просто уверенно; он двигался по памяти. Его шаги

не спотыкались о неровности, не замедлялись на поворотах. Он вёл их сквозь каменные внутренности здания, как пилот по слепой приборной доске.

Позади, где-то далеко, из-за двери в участок доносились приглушённые голоса, металлический лягз. «Санитары» оформляли бумаги. Искали их.

— Куда мы идём? — тихо спросил Адам, и его голос был поглощён темнотой, не оставив даже эха.

— На крышу соседнего склада, — отозвался Варн так же тихо, но чётко, как будто читал инструкцию. — Оттуда — вниз, в Нижний город. Потом — в дренажный коллектор «Верден-7». Они перекроют все основные выходы в радиусе пятисот метров, но про коллектор не вспомнят. Он не на картах обслуживания. И он... специфически пахнет.

Адам кивнул, потом понял, что кивок его невидим. Они шли ещё минуту молча. Адаму казалось, что он сходит с ума. В абсолютной темноте его дар был слеп. Не на чем было сосредоточиться, кроме собственного учащённого сердца и спины впереди идущего человека. Пустота затягивала, как болото.

— Почему у вас нет зажигалки? — вдруг спросил Адам. Вопрос вырвался сам, глупый, незначительный, чтобы заглушить нарастающую клаустрофобию.

Варн на секунду замедлил шаг.

— Что?

— Зажигалка. Вы курите. У вас должна быть зажигалка. Но в участке вы пользовались спичками. Дешёвыми, картонными. Я слышал, как вы чиркали.

Впереди раздался короткий, похожий на покашливание звук. Возможно, смешок.

— Наблюдательный. Для человека, который только что уверял, что просто «вёл статистику поездов». — Пауза. Шаг. Ещё шаг. — Зажигалки — это маячки. Пьезо— или плазменные — неважно. Их сигналы слишком чистые, их легко поймать и привязать к модели, а потом и к покупке. Спички анонимны. Чиркнул — сгорели. И нет тебя.

Логично. Болезненно параноидально и логично. Так думал бы человек, который годами учился растворяться в городе, не оставляя цифрового шлейфа.

— А почему... — Адам запнулся, понимая, что второй вопрос ещё бессмысленнее первого, но темнота словно развязала ему язык, — почему вы курите «Дыхание Хаоса»? Это же самый дешёвый, самый отвратительный сорт. Он на вкус как горелая пластмасса.

Теперь Варн остановился совсем. Адам едва не врезался в него.

— Ты что, знаток табачного рынка Нижнего города? — в его голосе прозвучало неподдельное, почти обезоруженное изумление.

— Чтобы выжить, нужно замечать детали, — сказал Адам, пожимая плечами в темноте. — У того, кто курит «Дыхание», обычно меньше недели на счету. Или он глубоко в долгах. Вы не выглядите как должник.

Варн снова двинулся в путь, но теперь его шаги стали чуть медленнее, будто он размышлял.

— Привычка, — буркнул он наконец. — С них начинал. Потом пробовал другие. Дорогие. С фильтрами, очищающими смолы. С ароматизаторами, маскирующими запах. — Он сплюнул в темноту. — Всё это ложь. Удобная, приятная на вкус ложь. «Дыхание» не врёт. Оно гадко, ядовито и честно напоминает тебе, чем ты дышишь на самом деле. А дышим мы, как ты верно заметил, одним сплошным долгом.

Они свернули за угол, и впереди забрезжил слабый серый свет — отражение городского неона, проникающее сквозь решётку вентиляции. Стало видно контуры: узкий коридор, заваленный сломанной офисной мебелью и коробками с истлевшими бумагами.

Варн подошёл к решётке, приткнулся к щели одним глазом, как снайпер.

— Чисто, — сказал он. — Выход на крышу в двадцати метрах справа. Пробежка. Готов?

Теперь, в этом тусклом, но существующем свете, дар Адама снова ожил. Он видел цифры над головой Варна — те самые, монументальные и стабильные. Видел пылинки, кружащие в столбе света, и ничего более. Но этого было достаточно, чтобы мир обрёл ориентиры. Он кивнул.

— Пошли! — Варн резко дёрнул решётку. Ржавые болты с хрустом поддались — их явно уже давно не трогали. Он выскочил первым, пригнувшись, и метнулся вдоль стены, не бегом, а быстрым, скользящим шагом, минимизируя шум.

Крыша склада представляла собой море волнистого шифера, скользкого от вечной влаги и покрытого островками мха. Впереди маячили тёмные очертания вентиляционных коробов и леса антенн. Где-то внизу, на улице, пронзительно взвыла сирена — но не полицейская, а корпоративная, тревожная, принадлежащая «Эону». Они подняли тревогу.

Адам бежал следом, ноги скользили на сыром покрытии. Он видел цифры над Варном — они не скакали от паники, а были ровными, расчётливыми, как сам детектив. Тот двигался не просто быстро, а экономно, выбирая путь, где меньше луж, где шифер лежал плотнее, где тень от вентиляционной шахты давала укрытие.

— Лестница! — крикнул Варн, указывая вперёд, на пожарную лестницу, уходящую в зияющую темноту между зданиями. — Пятьдесят метров. Лестница ведёт в слепую зону между сканерами. Их патрульные дроны летают по квадратам, здесь пауза — ровно сорок семь секунд. Успеем.

Они были в трёх шагах от неё, когда из-за вентиляционного корпуса прямо перед ними поднялись две фигуры. Не выскочили. Поднялись, как механизмы по команде.

«Санитары».

Они не были похожи на киллеров. В комбинезонах бледно-серого цвета, с эмблемой «Эона» на груди. У них были не пистолеты, а устройства, похожие на короткие шланги с раструбами. Хроногасители. Но их позы, их расположение — не в лоб, а с флангов — говорили о подготовке.

Варн не побежал. Он исчез. Один резкий шаг в густую тень того же вентиляционного короба, и его силуэт слился с ржавым металлом. Движение было настолько точным и предсказуемым для него, что казалось инстинктивным.

«Санитар» слева, ведомый датчиком движения на шлеме, дрогнул. Ствол его хроногасителя метнулся в пустоту, где секунду назад был Варн. Этой потери фокуса хватило.

— Левее! — шипел Адам, прижимаясь к холодному шиферу. Он видел. Над головой правого «санитара» горели цифры: 00:05:47. Но они не просто тикали. Они пульсировали в такт его сердцебиению — неровно, срываясь. В этой пульсации был чёткий, как метроном, сбой: три быстрых удара, микро-пауза, снова три. Человек на допинге. Ускорителе реакций. Предсказуемый в своей непредсказуемости.

— У него тремор, — выдохнул Адам, едва слышно. — Три удара, потом сбой. Сейчас...

Из тени метнулся не Варн, а кусок отколовшегося шифера. Не в человека. В раструб его оружия. Камень с глухим звяком ударил по керамическому наконечнику, выбивая хроногаситель из ослабевших на мгновение пальцев. Оружие с грохотом покатилося по крыше.

Варн, используя момент неразберихи, был уже рядом. Не для драки. Его нога, обутая в тяжёлый, прочный ботинок, резко и точно ударила по боковой связке колена первого «санитара», того, что потерял его из виду. Тот рухнул с подавленным, болезненным стоном, хватаясь за ногу.

Второй, оставшись без оружия, инстинктивно отпрыгнул к краю крыши, его глаза за визором шлема металась между Адамом и тенью, где скрывался Варн.

— Лестница! Теперь! — голос Варна был низким, без паники, команды — чёткими, как удары клавиш.

Адам уже был в движении. Железо лестницы гудело под его ногами. Он бежал вниз, не глядя на пролёты, только слыша за спиной тяжёлое, но ровное дыхание Варна, его шаги, а потом — резкий, шипящий звук и короткий, обрывающийся крик. Кто-то сверху получил порцию ускоренного времени, предназначенную им.

Они спрыгнули с последнего пролёта в грязный, заваленный мусором переулок — уже в Нижнем городе. Воздух здесь был гуще, насыщен запахом жареного жира, пота, дешёвого синтетического топлива и отчаяния. Неоновые вывески закусовых и подпольных хронолавок мигали, отбрасывая на лица прохожих ядовито-розовые и синие тени.

— Не останавливаться! — Варн, не оборачиваясь, рванул Адама за рукав, втягивая его в людской поток. — Они вызовут наземные группы. У нас минуты.

Они бежали, петляя между лотками, отталкиваясь от заспанных, раздражённых тел. Адам, оглушённый шумом и визуальным шквалом, инстинктивно сканировал толпу. Над головами мелькали цифры — часы, дни, у кого-то жалкие минуты. Ничего аномального. Никто не обращал на них особого внимания — двое бегущих людей здесь были частью пейзажа.

Варн вел их безошибочно, сворачивая в арки, проскальзывая в полуразрушенные подъезды, выскакивая на параллельные улицы. Он не просто бежал — он прокладывал маршрут, используя город как лабиринт, в котором знал каждую щель.

— Здесь! — он рванул Адама в сторону, в узкий проход между двумя облупленными фасадами, который заканчивался тупиком и тяжёлым чугунным люком, почти неотличимым от асфальта. Варн наступил на него определённым образом, надавил плечом — люк с глухим скрипом поддался, открывая тёмный провал и волну запаха — сырости, ржавчины и того самого, неповторимого амбре глубоких городских недр.

— Вниз! — это уже был не приказ, а констатация. Адам нырнул в отверстие, почувствовав под ногами скользкие ступени. Варн спустился следом, с силой захлопнул люк изнутри. Наступила почти полная темнота, нарушаемая лишь тусклым свечением какого-то старого, покрытого плесенью аварийного светильника где-то вдалеке.

Они стояли на небольшой площадке в начале круглого, облицованного скользкой плиткой туннеля. Отсюда несло запахом ржавой воды, тины и глубокого разложения. Это был коллектор.

Секунду-другую они просто стояли, прислушиваясь к гулу города сверху, доносящемуся приглушённо, как шум океана сквозь толщу воды. Потом Варн вытер лицо рукавом, смахивая пот и городскую грязь.

— Они знали маршрут, — прошептал он, и его шёпот был страшнее крика в этой гулкой тишине. — Не просто ждали на крыше. Они вычислили самый вероятный путь отхода от участка. Значит, у них есть доступ к полицейским схемам экстренной эвакуации. Или... — он сделал паузу, в темноте слышно было, как он сжимает челюсти, — ...или они уже так долго за мной следят, что изучили мои привычки. Знают, как я думаю.

Он повернулся к Адаму. В слабом свете аварийной лампы его глаза блестели, как у хищника, который не только ушёл от погони, но и узнал о охотнике нечто важное.

— Твоё «три удара, потом сбой»... — он сказал это не как благодарность, а как констатацию факта. — Это была не удача. Это была тактическая сводка. Слишком точная для простого везения.

Он сделал шаг вперёд. В тесном туннеле его близость стала физическим давлением.

— Ты не просто наблюдательный. Ты видишь что-то, что позволяет тебе читать людей, как открытые книги. Их состояние, их ритм, их уязвимости. И теперь, — его голос стал низким, не оставляющим выбора, как скрежет железа в темноте, — ты расскажешь мне. Всё. Пока мы идём по этой канализации к следующей точке. Или мы останемся здесь навсегда. Оба.

Погоня пока что кончилась. Начался другой, более опасный разговор. В сыром, вечном мраке, где время текло так же медленно и неумолимо, как сточные воды, и где правда стояла дороже глотка чистого воздуха.

ГЛАВА 5: ЦЕНА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Тьма в коллекторе была иной. Она липла к коже. Шаг отзывался мокрым эхом.

Они шли уже десять минут. Варн шёл впереди, его силуэт угадывался в мраке. Он ждал.

Адам смотрел ему в спину и видел цифры. Они были там, в темноте, как и над всем, что дышало. Над головой Варна плыло холодное, стабильное сияние: 8 лет, 4 месяца, 3 дня, 07:12:55. Цифры почти не дрожали. Они были такими же твёрдыми и незыблемыми, как сам детектив. Это было много времени. Невероятно много для их мира. И это знание обжигало Адама, как измена.

Голос его прозвучал тихо, пробивая шум капли.

— Я не вижу расписание поездов. Я вижу ваше время.

Варн не обернулся. Но его шаг дрогнул на пол-такта.

— Моё время — моё дело. Говори дальше.

— Не только ваше. У всех. Над головами. Цифры. — Адам говорил, чувствуя, как предаёт единственный закон, который давал ему покой: никогда не говорить. — Дни, часы, минуты. То, что осталось. Они меняются. От страха тают, как лёд на жаре. От радости почти не тают, будто замедляются. Во сне и вовсе замирают, едва шевелятся. У того «санитара» на крыше они плясали, будто сердце жгло собственный запас.

— И что? — Голос Варна был плоским, но в нём зазвучала сталь. — Ты собираешься сказать мне мое время? Не вздумай.

В этом «не вздумай» было не приказание, а предупреждение. Почти мольба. Не заставляй меня это знать.

Адам понял. Этот человек, одержимый системой и контролем, боялся одного — цифры над собственной головой. Она превратила бы его из охотника в дичь. Из следователя — в дело.

— Я не скажу, — быстро произнёс Адам. — Я не имею права. Но у вас оно есть. Много. И оно... устойчивое. Не так, как у других.

Варн остановился. В темноте было слышно его дыхание.

— Устойчивое, — без интонации повторил он. — А у других?

— У всех по-разному. Но я видел, как они обрываются. Не тают — обрываются. Как у той девушки в метро. Как будто дистанционно перерезали нитку.

Раздался звук чиркающей спички. Варн зажёл огонь, не для сигареты, а чтобы увидеть лицо говорящего. Пламя дрожало в его руке.

— Доказательство. Сейчас. Не про меня.

Адам кивнул. Он закрыл глаза, отгородившись от обманчивого живого света.

— В пяти метрах впереди, за стенкой. Труба. Там человек. У него... чуть больше семи часов. И его время тает от паники. Он нас слышит.

Варн метнулся вперёд, прикрыв спичку. Нашупал щель, дёрнул. Фанера отлетела. Новая спичка осветила нишу, тряпье, запавшее лицо. Человек зашипел. Адам видел, как цифры над ним 07:22:10 сменились на 07:21:55.

— Убирайся! — проскрежетал тот.

Варн отступил. Тьма сомкнулась.

— Совпадение? — спросил он уже в темноте, но вопрос был риторическим.

— Нет.

— Почему молчал?

— Это проклятие. Знать сроки чужих. Видеть, как время почти останавливается у спящего ребёнка и бешено горит у того, кто кричит в пустоту. А если бы узнали про меня... Я — сбой в их системе. Живое доказательство, что время можно увидеть. Меня бы либо купили, либо стёрли.

Они снова зашагали. Молча, но теперь между ними повисло нечто новое. Не доверие, а договор: Я вижу твою тайну, но не назову её. Ты знаешь мою, но не сдашь. Ненулевая сумма.

— Эти обрывы, — заговорил Варн, и в его голосе вернулась привычная, хищная собранность, — они случаются до того, как счётчик по документам достигнет нуля. Кто-то ставит будильник на смерть. И «Эон» раздаёт таким будильникам «бонусы».

Впереди забрезжил свет. Выход.

— Что дальше? — спросил Адам.

Варн вышел первым, втягивая в лёгкие промозглый воздух промзоны.

— Дальше мы ставим эксперимент. На живом. Находим того, кого «Эон» пометил. Смотрим, что ты увидишь. И что с ним случится... после.

Его тон был спокоен. Это была не месть, не ярость. Это был холодный, методичный план следователя, который наконец-то получил уникальный инструмент для вскрытия преступления.

Бегство кончилось. Начиналась охота. И Адам, только что раскрывший свою величайшую уязвимость, теперь должен был научиться использовать её как оружие.

Решение Варна висело в воздухе промзоны, как приговор. Адам смотрел, как детектив нервным движением проводит рукой по лицу, а потом его пальцы автоматически лезут в пустой карман плаща. Старая привычка искала утешения, которого не было.

— Чёрт, — хрипло выругался Варн. — Кончились ещё в участке.

Он огляделся, и его взгляд зацепился за закопчённую будку на краю рынка «Грош», над которой висел самодельный знак: «Табак. Стимулы. Тишина». Будка торговала всем, что помогало забыться.

— Подожди тут, — бросил он Адаму и направился к ней.

Адам наблюдал, как Варн что-то коротко говорит продавцу, человеку с лицом, на котором время оставило одни только морщины страха. Детектив протянул руку, поднёс запястье с хронометром к грязному считывателю на прилавке. Раздался тихий, жалобный писк — списание. Продавец суетливо протянул смятую пачку «Дыхания Хаоса». Варн взял её, разминая в пальцах дешёвый целлофан, и его плечи на мгновение опустились — не от облегчения, а от поражения. Он вернулся, вытряхнул сигарету, чиркнул спичкой и закурил, сделав первую затяжку с закрытыми глазами, будто принимая горькое лекарство. Потом посмотрел на Адама сквозь струйку едкого дыма, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на вину.

— Я... пытаюсь бросить, — сказал он, и это прозвучало глупо, неубедительно, как оправдание перед самим собой. — Просто... сейчас нужно. Чтобы думать. А эта дрянь... она не даёт врать самому себе.

Адам просто кивнул. Он видел, как цифры над головой Варна, всё такие же огромные и стабильные (8 лет, 4 месяца...), на секунду слегка дрогнули — не от страха, а от этого внутреннего разлома, от маленькой, оплаченной временем слабости, которую детектив ненавидел в себе больше всего. Эта деталь делала Варна вдруг ужасно человеческим.

— Рынок «Грош» в двух кварталах, — сказал Варн уже другим, собранным голосом, отведя взгляд. — Там всегда есть кто-то на грани. И всегда есть те, кого «Эон» уже «отметил». Мы найдём нашего подопытного. Ты смотришь. Я действую.

Они шли молча, но это было другое молчание. Адам чувствовал, как с каждым шагом его внутренняя тревога кристаллизуется в нечто твёрдое. Он был сканером. Варн — оператором. И где-то внутри, под слоем ужаса, рождалось странное понимание: этот циничный, сломленный человек, покупающий утешение за секунды своей долгой жизни, — его единственный шанс.

Они вошли в гушу рынка «Грош». Это была не ярмарка, а вскрытая, гниющая вена города. Воздух гудел не от оживлённой торговли, а от нервного, отчаянного шипения десятков голосов, пытавшихся выменять жалкие минуты на жалкий хлам. На разостланных кусках брезента и картона лежало позавчерашнее будущее: краденые компоненты хронометров, потёртые до дыр «гаранты удачи», флаконы с мутной жидкостью, обещавшей «замедление времени», и груды личных вещей — часы, кольца, детские игрушки — последнее, что осталось от тех, кто расплылся, не успев всё потратить. Каждый продавец был ходячим некрологом самому себе.

Адам остановился, оглушённый визуальным шумом. Над каждой головой плясали, мигали, таяли цифры. Море секунд, часов, жалких дней. Большинство — в красной зоне, меньше суток. Это был ад, и его жители знали об этом, но делали вид, что торгуются за нормальность.

— Ищем не того, у кого мало, — пробормотал он, больше для себя. Голос Варна отозвался рядом, приглушённый:

— Ищем того, у кого оно... сломано.

Адам кивнул и начал сканировать. Его взгляд, отточенный годами паранойи, скользил по лицам, выхватывая не выражения, а аномалии в потоке чисел. Вот торговец с трясущимися руками — у него 45 минут, и они сгорают с каждой его истеричной рекламой. Вот старуха, неподвижная, как идол, — у неё целых три недели, и они почти замерли, будто жизнь сама затаила дыхание.

И тогда он его увидел.

Мужчина. Лет пятидесяти. Стоял в стороне от основного потока, у лотка со сломанными оптическими сенсорами, которые сверкали, как мёртвые глаза. На нём был поношенный, но чистый плащ цвета хаки. Он не смотрел на товар. Он смотрел в никуда. И над его головой...

Цифры были. 3 дня, 04:12:18. Но они не двигались. Секундная доля застыла на отметке :18. Не просто медленно — абсолютно статично. И вокруг этой статичной картинки вилося едва уловимое, мерцающее поле — как помехи на экране. Это было неестественно. Мёртво. Именно так, как должно выглядеть «зависшее» время.

— Вон он, — выдохнул Адам, едва шевеля губами. — У лотка с сенсорами. Плащ. Его время... оно не идёт. Оно зависло. Три с небольшим дня.

Варн, не глядя напрямую, скользнул взглядом в указанном направлении. Его лицо осталось каменным.

— Принято. Твоя задача — следить за цифрами. Любое изменение. Кивни. Моя задача — создать легчайший стресс. Триггер. Если система, которая держит его на паузе, жива, то она отреагирует.

Адам хотел возразить, спросить «а если убьём невинного?», но Варн уже отходил, растворяясь в толпе, двигаясь не к цели, а по широкой дуге.

Детектив преобразился. Его осанка ссутулилась, походка стала шаркающей, в руках он зажал какую-то железяку, найденную на земле, как будто дорогой трофеей. Он подошёл к соседнему лотку, где продавец — молодой парень с лихорадочным блеском в глазах и цифрами в 2 часа над головой — торговал какими-то сомнительными чипами. Варн начал что-то агрессивно выспрашивать, его голос, натужный и гнусавый, быстро пошёл на повышение. Он тыкал пальцем в грудку хлама, его тон становился всё более придирчивым, задиристым. Он был идеальным пьяным занудой, ищущим ссоры.

Конфликт назревал стремительно. Продавец, и без того на взводе от своего тающего времени, завопил в ответ. Голоса слились в яростную, бессмысленную перепалку.

Мужчина в плаще медленно повернул голову. Его взгляд, тусклый и отсутствующий, скользнул по ссорящимся. Цифры над ним не дрогнули. 3 дня, 04:12:18.

И тогда Варн, с театральным негодованием отступая, «случайно» задел плечом угол лотка с сенсорами. Дешёвые линзы звякнули, посыпались на брезент.

Парень-продавец взревел. Его и без того расшатанные нервы лопнули. Он рванулся не на Варна, который ловко отскочил в сторону, сделав вид, что поскользнулся, а на ближайшего — на мужчину в плаще, который теперь казался сообщником или просто удобной мишенью для выплеска ярости.

— Ты что, кретин, слепой?! — заорал он, толкая того ладонью в грудь.

Толчок был не сильным. Оскорбительным, унижительным, но не травмирующим.

Мужчина в плаще отшатнулся. Его глаза, до этого пустые, округлились от внезапного шока, от хлынувшей обиды. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, протестовать.

Адам видел.

Застывшие цифры над его головой мигнули. Один единственный раз. Яркой, болезненной вспышкой, как перегоревшая лампочка.

И сменились.

00:00:00.

Адам кивнул. Одним резким, судорожным движением подбородка.

Мужчина не успел издать ни звука. Его лицо, искажённое гримасой полного, абсолютного недоумения, замерло. Он посмотрел на свою грудь, там, где его толкнули, потом на перекошенное яростью лицо продавца. Он попытался вдохнуть — и не смог. В его глазах не было боли. Был только немой, вселенский вопрос, на который не было и не будет ответа. Потом его тело, ещё секунду назад бывшее плотной, живой массой, начало терять форму. Оно не упало. Оно рассыпалось. Тихо, почти изыщно. Серый, тонкий пепел осел на ткань плаща, на грязный асфальт вокруг его стоп, смешался с вечной пылью «Гроша».

На рынке наступила тишина. На секунду. Её тут же разорвали отрывистые выкрики, ахнувший кто-то, звук торопливых, отступающих шагов. Смерть здесь была обыденностью, но такая — мгновенная, без видимой физической причины, проходя, от пустяка — вселяла суеверный, леденящий ужас. Люди отворачивались, отползали, стараясь не смотреть на маленькую, уже развеваемую ветром кучку праха.

Варн был уже рядом. Его рука, сильная и цепкая, схватила Адама выше локтя.

— Обнулилось? Сразу? — его голос был низким, хриплым от сдерживаемого напряжения. От него пахло дымом «Дыхания Хаоса» и холодным потом.

— Сразу, — выдавил Адам. Горло пересохло. — Не было отсчёта. Просто щелчок. И ноль.

— Значит, отсчёт кончился три дня назад, — пробормотал Варн, отпуская его. Он провёл ладонью по лицу, смахивая несуществующую грязь. На его лбу, в морщинах, блестела влага. — Когда он получил свой «бонус». Они поставили жизнь на паузу. А любой стресс, любой толчок — дистанционный сигнал на спуск.

Он посмотрел туда, где только что стоял человек. Не на пепел, а сквозь него, в самую суть открывшейся бездны. В его глазах не было и тени торжества. Было тяжёлое, невыносимо ясное понимание. Чудовищная гипотеза подтвердилась. Они только что стали свидетелями и соучастниками управляемого, технологического убийства. Банк «Эон» не просто воровал время. Он выдавал отсрочки и сам назначал час расплаты.

— Шаткий альянс, говоришь? — Варн повернулся к Адаму. Его лицо снова стало маской из гранита и стали, но в глубине глаз, там, где раньше горел огонь одержимости, теперь пылало нечто иное — холодная, безжалостная, окончательная целеустремлённость. — Кончился. Теперь у нас партнёрство. Ты — мой детектор аномалий. Я — твой оператор. Мы идём против целой системы, которая ставит будильники на смерть. — Он тронул Адама за плечо, уже не хватая, а направляя. — И у нас, впервые за всю её историю, есть уникальное преимущество. Мы можем эти будильники видеть.

Он сделал последнюю, глубокую затяжку и швырнул окурок в ту же лужу, где начинал растворяться пепел незнакомца, принесенный сюда ветром.

— Пошли. Пора работать. По-настоящему.

Они покинули рынок «Грош», оставив за собой шепот страха и горстку пепла на ветру. Эксперимент был завершён. Цена доказательства оказалась чудовищной. Но теперь они знали правила игры. Более того — они нащупали её ахиллесову пяту. И у них не осталось выбора, кроме как нанести удар.

ГЛАВА 6: АСТРОНОМИЯ ПРАХА

Дорога до «Звёздного праха» заняла больше часа и была уроком по анатомии городского забвения.

Они не пошли напрямую — это было бы самоубийством. Варн повёл их через канализационный люк недалеко от коллектора, и двадцать минут они шли по узкому, звонко журчащему тоннелю, где влажный воздух пах железом и тлением. Адам шёл следом, чувствуя, как цифры над головой Варна — тот самый монументальный отсчёт в восемь лет — плывут перед ним в темноте. Сам Варн двигался уверенно, будто эти туннели были продолжением его нервной системы.

— Здесь их дроны теряют связь, — бросил он через плечо, и его голос, приглушённый влажными стенами, звучал как исповедь подземному богу. — Слишком много старой арматуры. Остаточное излучение от древних кабелей.

Они вышли на поверхность в районе транспортного терминала, где воздух дрожал от рёва тяжёлых грузовых платформ. Варн, не глядя, сунул Адаму в руку потёртый транспортный чип-жетон.

— Не активируй. Держи в кармане рядом со считывателем. Система терминала тупая — она спишет плату за проход с ближайшего активного чипа в радиусе метра, а не с того, кто приложил. Какой-нибудь растяпа с полным запасом, торопясь, оплатит за нас. Они редко проверяют лог транзакций, если сумма списания мала. А для нас эти пять минут могут быть разницей между жизнью и тем, что за нами придут.

Адам почувствовал, как холодный металл жетона жжёт ладонь. Он хотел возразить, выбросить эту краденую возможность, но увидел, как цифры над головой Варна оставались непоколебимыми. Детектив не воровал время. Он перераспределял риски. И в этой логике была своя, извращённая честность.

Они втиснулись в вагон поезда, везущего промотходы на свалку «Феникс». Здесь пахло не людьми, а окисленным металлом, дешёвым пластиком и тоской. Попутчиками были такие же отбросы системы: угрюмые работяги в промасленных комбинезонах, бледные клерки, спящие в углу с открытыми ртами, пара бродяг, деливших бутылку чего-то мутного. Адам, прижавшись к грязному, поцарапанному стеклу, скользил взглядом по цифрам над их головами. Жалкие остатки: у бродяг — часы, сливающиеся в сплошное, равнодушное марево; у работяги — три дня, и они таяли с каждым вздохом; у клерка — неделя, но цифры дергались в такт его нервному тикю. Почти наверняка последние двое получают на днях зарплату и смогут поработать еще пару недель. Его собственное запястье, как всегда, было слепым пятном. Пустотой, которая в этом вагоне казалась почти привилегией.

Варн стоял в тамбуре, прислонившись к косяку, и курил. Он смотрел не в окно, а на отражения в нём — на лица позади, на движение в соседнем вагоне. Его собственные цифры плыли рядом с ним, незыблемые и холодные. Адам поймал себя на мысли: детектив не просто выживал. Он инвестировал. Каждое движение, каждый маршрут, каждая сигарета — всё было частью расчёта с непонятной пока конечной целью.

От свалки они свернули в зону, которую городская память стёрла. Район старых культурных комплексов, построенных в эпоху наивного технооптимизма, когда люди ещё верили, что будущее будет ярким и просторным. Теперь это были бетонные саркофаги с выбитыми витри-

нами, заросшими кристаллической плесенью. Воздух здесь был другим — не смогом, а пылью веков, сухой штукатуркой и тишиной. Тишиной настолько густой, что она давила на барабанные перепонки. Адаму казалось, что он видит цифры не над людьми, а над самими зданиями — гигантские, почти угасшие отсчёты, растянувшиеся на столетия, которые теперь медленно, но верно приближались к своему архитектурному нулю.

— Красиво, да? — хрипло проворчал Варн, шагая по треснувшей плитке перед главным входом в самое большое из зданий. — Здесь когда-то мечтали о звёздах. Теперь здесь мечтают только крысы и такие, как я.

Массивная дверь с потускневшей, почти нечитаемой табличкой «АСТРОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «ОРИОН»» была заблокирована не просто замком, а древней электронной системой. Варн не стал её взламывать. Он провёл рукой по шву между дверью и косяком, нащупал что-то, нажал — и раздался мягкий щелчок скрытого механического запора. Дверь с глухим, неохотным стоном отъехала в сторону, впуслав волну воздуха, который был холоднее уличного и пах старыми книгами, озоном от сгоревшей проводки и чем-то ещё — сладковатым, как разложение надежды.

Внутри царил сюрреализм, застывший в янтаре забвения.

Это был планетарий. Не просто зал, а собор угасшей веры в космос. Гигантский купол-полусфера уходил в темноту, и в нескольких местах в нём зияли дыры, сквозь которые лились косые столпы дневного света, густые от кружащейся пыли. В центре, на постаменте, как мёртвый металлический паук, лежал каркас старого звездного проектора — сложное переплетение линз и рычагов, покрытое паутиной и вековой грязью.

Тишина здесь была не отсутствием звука. Она была сущностью. Она впитывала в себя шорох их одежды, их дыхание, биение их сердец. Воздух стоял неподвижный, холодный, будто само пространство затаило дыхание, наблюдая за пришельцами, нарушившими его вековой покой.

Варн швырнул свой потрёпанный портфель на грудy сломанных кресел, сложенных в углу, как погребальный костёр.

— Моя квартира сейчас — мышеловка, — сказал он, его голос, привыкший к шуму улиц, здесь прозвучал неестественно громко и тут же был поглощён тишиной. — После сегодняшней погони они первое, что сделают — накроют все мои официальные адреса. Там теперь либо «санитары», либо взрывчатка с датчиком движения. Поэтому мы здесь. «Орион» вне сетей. Под куполом — экранирование от всего, кроме космического излучения. — Он достал пачку, выбил сигарету, чиркнул спичкой. Вспышка пламени на миг осветила его лицо — усталое, заострённое, с тёмными провалами под глазами. — И моей начинки.

Он сделал затяжку, выпустил дым в ближайший столб света. Дым закрутился в нём, медленно, грациозно, образуя мимолётные туманности и галактики, которым не суждено было родиться.

Адам медленно поворачивался на месте, впитывая это. Его дар, всегда реагировавший на живое, на поток времени в существах, здесь молчал. Над этим местом не было цифр. Не было отсчётов. Была только тяжёлая, давящая пустота законченной эпохи.

— Моя «стена» осталась там. Физическая. Вся. Карты, фотографии, нити. — Варн поднёс руку к виску, где под кожей угадывался лёгкий, хирургический шрам. — Но я не идиот. Рабочая копия — здесь. — Он закрыл глаза, веки подрагивали. — Без привязки к сетям. Голый скелет данных.

Он открыл глаза, и его радужки на секунду вспыхнули тусклым синим светом — отражением внутреннего интерфейса. Взгляд его был направлен на пустой купол, но явно видел что-то иное.

— Покажи, — попросил Адам.

Варн медленно провёл рукой по воздуху перед собой, как будто осязая невидимый объём. Его пальцы сомкнулись, сделали щипковое движение — и синий свет из его глаз выплеснулся наружу, сформировав в пространстве между ними полупрозрачную, мерцающую трёхмерную сетку. Голографическая проекция из импланта.

На ней алыми точками светились свежие отметки:

«МАРК ТЭЛЛИ. ОФИС. УТРО.»

«ИНЦИДЕНТ. МЕТРО. ДЕНЬ.»

«ЭКСПЕРИМЕНТ. РЫНОК «ГРОШ». ВЕЧЕР. ПОДТВЕРЖДЕНО.»

— Сегодняшний день, — сказал Варн, его голос звучал отстранённо. — Три удара за сутки. — Он провёл рукой, и от отметки «Метро» протянулся тонкий луч к Адаму. — Здесь был ты. — Луч переместился к «Грошу». — Здесь мы были вместе. Это уже не цепочка. Это вспышка.

Адам смотрел на призрачную карту. Его ум, уже настроенный на поиск паттернов в цифрах, автоматически сопоставлял данные.

— Все они... получали бонусы от «Эона». Тэлли, девушка в метро, тот мужчина... — начал он.

— Да, — перебил Варн, увеличивая масштаб. Появились старые, поблёкшие отметки. — И не только они. Вот — Сандра Ли. Бонус — год. Распылена через три недели. Вот — Николас Крамер, бонус восемь месяцев — через восемнадцать дней. Все. Все получали «подарок» и умирали в течение месяца. Максимум.

Адам подошёл ближе к голограмме, его глаза бегали по точкам, датам, подписям. В его памяти всплывало лицо мужчины с рынка «Грош», его застывшие цифры.

— Их время... — начал он, подбирая слова. — После бонуса... оно не начинало новый отсчёт. Оно замирало.

Варн замер. Сигарета дымилась у него в пальцах забытая. Его глаза, цвета мокрого асфальта, сузились, впиваясь сначала в Адама, потом в голограмму, потом снова в Адама.

— Объясни, — выдохнул он.

— Я видел это сегодня. У того человека. Его цифры стояли на месте. Три дня, четыре часа... и ни секунды вперёд. Не рост. Стазис. Полная остановка. А потом... щелчок. И ноль. — Адам сделал шаг, указывая на висящие в воздухе отметки. — Ты говоришь «бонус». Система говорит «продление». А на деле — это отсрочка. Кредит под колоссальный, мгновенный процент. Они выдают тебе время, но сразу же ставят на него дистанционный спусковой крючок. И этот крючок... он срабатывает не по таймеру. Нет. Он срабатывает от стресса. От выброса адреналина, от паники, от ярости. Любая встряска — и будильник звонит. Несчастный случай на ровном месте.

Молчание, следовавшее за его словами, было гуще бетона купола. Варн медленно, очень медленно поднёс сигарету ко рту, затянулся. Дым выходил у него из ноздрей тонкими, целенаправленными струйками. Он сжал кулак — проекция погасла. Синий свет в его глазах потух.

— Дистанционный спусковой крючок, — повторил он наконец, без интонации. — Управляемое убийство. Массовое. По контракту, который жертва сама подписала, даже не зная об этом. — Он швырнул окурок на пол, раздавил его каблуком с таким усилием, что хруст разнёсся эхом. — Хорошо. Тогда старый вопрос «как» решён. Остаётся вопрос «зачем».

Он повернулся к Адаму, и в его глазах горел уже не просто азарт охотника. Горел холодный, ясный огонь человека, который наконец-то разглядел истинные контуры чудовища.

— Зачем «Эону», крупнейшему банку времени, выдавать время и тут же его отбирать? Какая в этом прибыль?

Его голос дрогнул на последнем слове. Он отвернулся, его взгляд метнулся в пустоту купола, будто ища там ответа. Адам понял, о ком он думает. О седьмой отметке в его импланте, которую он не стал показывать. О Лене.

— Чтобы её найти, — сказал Варн, уже овладев собой, — нам нужно «откуда». Где слабое звено. Где та первая трещина. — Он снова активировал проекцию, увеличил масштаб. В стороне, в спальном районе на севере, появилась старая, серая отметка: «САЙЛАС ИВОЛД. ТЭК-7. ПЕРВЫЙ. МЕСЯЦ.»

— Он первый. В моей цепочке. Первый, кого я не смог списать как несчастный случай. — Варн выключил проекцию. — У него остались люди. Родные. Которые, возможно, видели то, чего не должны были. Или почувствовали то, о чём боялись говорить.

— Идём к ним? — спросил Адам.

— Идём, — Варн кивнул, закуривая новую сигарету. — Завтра утром. Пока «санитары» составляют отчёты по сегодняшним «инцидентам». — Он посмотрел на Адама сквозь дым. — А ты... твоя задача прежняя. Смотри. На всех, кого увидишь. Особенно... если над кем-то из них висит тот же мертвый отсчёт. Особенно если они уже на крючке. Родственники жертв — их любимая мишень для «утешительных бонусов».

Адам понял. Они шли не просто за свидетельствами. Они шли на разведку в тыл врага. И его дар был их единственным детектором мин.

Тишина под куполом сгустилась, стала осязаемой. Один день — от пепла Тэлли до пепла на рынке — сжал время, превратил расследование в погоню. И теперь эта погоня вела их не вперёд, а назад — к самому началу.

— Спокойной ночи не будет, — сказал Варн просто. — Но завтра будет ответ. Или нас не станет. Ложись. Через пять часов — выдвигаемся.

Он погасил сигарету, завернулся в плащ и прислонился к стене, закрыв глаза. Но Адам видел — цифры над его головой, те самые восемь лет, не дрогнули. Они горели ровным, холодным светом человека, который поставил на кон всё.

Адам лёг на холодный бетонный пол, глядя в потолок, где в дырах купола мерцали редкие, настоящие звёзды. Он думал о границе между внутренним миром Варна и внешним миром, который они должны были завтра штурмовать. Думал о том, что они с детективом были теперь двумя частями одного механизма. И только вместе они могли сложить паззл, который «Эон» так старательно разбивал на осколки и прятал в прахе.

ГЛАВА 7: ДОЧЕРНИЙ ИНТЕРФЕЙС

Утро в Нижнем городе не наступало — оно просачивалось. Сначала как тусклое, свинцовое просветление в слоях вечного смога, потом как звук — нарастающий гул моторов, лязг поднимающихся ставней, сливающиеся в один сплошной рокот голоса миллионов, начинающих новый цикл списания. Воздух, ещё не успевший прогреться, нёс в себе холодок ночи, смешанный с обещанием дневного зноя и вони.

Варн и Адам выскользнули из «Ориона» в этот переходный час, когда ночные тени ещё цеплялись за подворотни, а дневная суeta уже катилась по широким проспектам. Они не пошли прямо к цели. Варн свернул в сеть узких, пахнувших мочой и жареным жиром переулков, ведущих к блошиному рынку «Журавль». Здесь, среди лотков с краденым железом и контрафактными стимуляторами, царил своя, лихорадочная жизнь.

— Жди, — бросил Варн Адаму и растворился в толпе.

Адам остался стоять у стены, заваленной разбитыми голографическими рамками. Он наблюдал. Над головами торговцев, над завсегдатаями, выменивавшими последние минуты на дозу дешёвого покоя, плясали цифры. Часы, минуты. Редкие — дни. Цифры дергались, ускорились от азарта торга, замирали в моменты подозрительного затишья. Это был визуальный

гул, белый шум обреченности, к которому он уже почти привык. Его собственное запястье под браслетом оставалось слепым пятном — дырой в этом всеобщем хоре отсчётов.

Через десять минут Варн вернулся. В руке у него был невзрачный кожаный портфель средних лет, потёртый на углах, но целый. Из-под молнии виднелся уголок планшета в корпусе корпоративного серого цвета с едва заметным, стёршимся логотипом «Эона» — не нового, а образца пятилетней давности. Идеально для легенды о заштатном аудиторе.

— У «Крота», — пояснил Варн, не глядя на Адама, запихивая портфель под мышку. — Должен мне. Любит подзаработать на «утерянном» имуществе с закрытых складов. Этот — как раз из партии списанного офисного барахла «Эона». Легенду держит.

Они вышли из рыночного шума на относительно тихую улицу, ведущую к трамвайной остановке. Варн, шагая, на ходу проверял содержимое портфеля: планшет, пара кабелей, блокнот с водяными знаками «Эона», несколько печатных бланков с угрожающе официальными заголовками. Всё пахло пылью и формалином.

— Твоя роль — техник по логированию, — сказал он, не поднимая головы. — Молчишь. Ты — приложение к планшету. Твоя задача — осматривать стены, розетки, вентиляционные решётки. Искать «несанкционированные точки доступа». Если что — кивай на меня. Твои глаза — только для пола, стен и потолка. Для людей у тебя нет глаз. Понял?

Адам кивнул. Роль была ясна: быть тенью, прибором, немым свидетелем. Ему было не по себе от этой лжи, но альтернатива — психостазис или распыление — была хуже.

— И помни, — Варн наконец поднял на него взгляд, и в его глазах, цвета мокрого асфальта, вспыхнул тот самый холодный, хищный интерес, — смотри. На всех. Всеми остальными глазами, которые у тебя есть.

Путь до «Верден-Норт» занял полчаса на переполненном, дребезжащем трамвае-челноке. Вагон был набит до состояния консервной банки. Адам, втиснутый между потной спиной грузчика и холодным стеклом, наблюдал, как за окном проплывали серые фасады спальных районов. В отражении он видел лицо Варна. Детектив стоял у противоположных дверей, портфель прижат к груди, взгляд отсутствующий, будто он медитировал. Над его головой плыли те самые восемь лет — монолит спокойствия в этом море тревожных, коротких жизней. Адам поймал себя на мысли: Варн не просто выживал. Он вёл какую-то свою, непонятную игру с гигантскими ставками, и этот портфель, эта легенда — были всего лишь очередными фигурами на его доске.

«Верден-Норт» встретил их гнетущей тишиной. Это было не место, а состояние. Ровные ряды жилых кубов, отлитых из дешёвого пенобетона ещё в эпоху «Великой Урбанизации», теперь стояли как надгробные плиты на кладбище социальных лифтов. Краска облупилась, обнажив серую, пористую плоть зданий. В трещинах цоколей зеленела упрямая, ядовитая плесень. Но в окнах — занавески. На балкончиках — увядшая герань в ржавых банках. Здесь жили те, кто ещё держался за призрачную нормальность, за ритуалы быта, как утопающий за соломинку. Воздух пах озоном от старых трансформаторов, дешёвым синтетическим моющим средством «Чистота» и подспудной, вечной усталостью.

Дом Сайласа Иволда ничем не выделялся. Варн остановился у подъезда, поставил портфель на землю и, наконец, позволил себе то, чего ждал, видимо, всю дорогу — вытащил пачку «Дыхания Хаоса». Он не закурил сразу. Просто крутил жёлто-коричневый цилиндр в пальцах, разминая табак, изучая фасад. Его лицо было каменным, но в уголке глаза подрагивала мелкая мышца — признак интенсивной внутренней работы.

— Легенда работает, пока в неё верят, — произнёс он тихо, больше для себя. — Аудитор безопасности «Эона». Кайл Варн. Специалист по системному логированию Адам. Плановая проверка протоколов после инцидента со смертью сотрудника. Цель — выявление возможных системных сбоев для пересмотра компенсационных выплат в пользу семьи. — Он сделал паузу, чиркнул спичкой. Пламя осветило его резкие скулы, глубокие складки у рта. — Они поверят.

Потому что захотят поверить. Потому что альтернатива — признать, что мир, в который они вложили всё, их предал. А на это нужны силы, которых у них нет.

Он закурил. Первая затяжка была долгой, мучительной, будто он вдыхал не никотин, а сам дух этого места — безнадёжный и горький.

— Твоя задача, — повторил он, обращаясь уже к Адаму, — смотреть. И запоминать. Всё. Даже то, что кажется ерундой.

Они поднялись на третий этаж. Лестничная клетка была чисто подметена, но в углах лежали комья пыли, которые не брала даже отчаянная хозяйственная добросовестность. Дверь в квартиру 307 была такой же, как все — серая, металлическая, с глазком. Варн нажал на звонок. Изнутри донёсся жалобный, пищащий звук, словно батарейка в нём была на последнем издыхании.

Тишина. Потом — осторожные шаги. Щелчок замка. Дверь приоткрылась на цепочке, ограничивающей мир внутри миром снаружи узкой щелью.

В щели показалось лицо. Молодая женщина. Лет двадцати восьми, не больше. Светлые, небрежно собранные в хвост волосы. Лицо — некрасивое от усталости, но с правильными, резкими чертами, которые в иных обстоятельствах могли бы быть привлекательными. Под глазами — глубокие, синеватые тени, будто её отпечатали на бумаге с низким разрешением. Но взгляд... взгляд был острым, настороженным, живым. Элайза Иволд.

— Да? — её голос был сухим, обезвоженным. В нём не было ни гостеприимства, ни страха. Была усталая оборона.

Варн сделал небольшой шаг назад, демонстрируя отсутствие угрозы. Его поза изменилась — спина слегка ссутулилась, плечи опустились, лицо приняло выражение усталой, немного раздражённой официальности. Он превратился в бюрократа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.